

Письмо 8. Наполним музыкой сердца

Помню с детства отцовскую фразу:

- «Кем угодно, но не скрипачом».

Как мне жаль, что я в жизни ни разу

Никогда не играл ни на чем.

Стану я одиноким и старым,

И судьба приплетется за мной,

Как Бетховен в четыре удара,

Постучавши у двери входной.

В этот час, когда дверь моя скрипнет,

Я хочу умереть налегке,

Ощущая потертую скрипку

В потерявшей подвижность руке.

Александр Городницкий

У меня нет музыкального слуха. То есть «про себя» я могу петь и повторять мелодии, но, по-видимому, это происходит в каком-то усеченном виде, чуть подробнее ритма, который я воспроизвожу идеально. Вроде бы, ничего страшного, дефект, вполне восполнимый другими органами чувств. «Ну, не додал Бог», как говорила одна моя подруга, наделенная сверх меры и умом, и красотой, жалуясь на свою фригидность.

Между тем, я давно обнаружил, что существует некая внутренняя индукция, взаимосвязь тел и мозгов, заражающая музыкой не только влюбленную пару, но даже толпу в зале, на стадионе, на празднике. Когда я смотрю на беснующихся фанатов музыкального шоу, это напоминает мне вид танцевального зала через окно, не слыша музыкального сопровождения. Оказывается, музыкальная индукция происходит не только в момент звучания, но остается внутри человека, сохраняясь надолго, иногда на годы. Для профессиональных музыкантов – понятно: Владимир Спиваков как-то пожаловался, что после выступления не может уснуть. «проигрывая» снова и снова концерт «про себя».

Но этим «больны» множество людей. Музыкальные ассоциации с «духом» человека, ситуацией, временем: детством, юностью, любовью, политикой, порой заменяют память, алкоголь, заставляют следовать вполне определенным «приказам». Причем эти ассоциации даже не связаны с умением петь или играть на музыкальных инструментах. Алик Городницкий как-то пошутил, что о нем ходит слух: «в каждом городе по аккомпаниатору и по бабе», хотя я хорошо знаю, что большую часть жизни он провел в экспедициях – без тех и других, но они всегда жили внутри него.

Язык музыки, специфичный для каждого человека, не позволяет четко, документально перевести информацию в обычный вид. Благодаря этому, при советской власти, контролировавшей умы и настроения граждан, КГБ никак не удавалось ухватить конкретных диссидентов, скрывавших свои мысли в музыкальных произведениях. Так, например, Дмитрий Шостакович заявил, что его 11-я симфония направлена против фашизма, в то время как впоследствии

выяснилось, что она навеяна сталинским ГУЛАГом (что, впрочем, почти одно и то же).

Возможностями музыкальной маскировки мыслей в СССР удачно воспользовались барды, озвучивая стихи с почти нейтральным, общефилософским содержанием. Популярность этого вида творчества, специфичного именно для России, было связано, как с возможностью высказать не подцензурно свои человеческие чувства и мысли в бесчеловечном режиме, так и с быстрым усвоением и тиражированием песен, исполняемых конкретными авторами.

Первым, и несомненно самым талантливым бардом был Булат Окуджава, песни которого я впервые услышал в 1959-м году, а лично познакомился только в конце 70-х. Для меня до сих пор остается загадкой, как вроде бы алогичный текст становится изумительно конкретным в песне. В 1982-м на турбазе Гауя он читал (он не мог тогда петь из-за болезни горла) свои стихи, которые я совсем не понял. Стихи эти («Любовь и разлука», «Антон Павлович Чехов») мне тогда не понравились, пока я не услышал их в песнях (в исполнении Камбуровой и автора), и они стали моими самыми любимыми. Я спросил его об этом на следующее лето, но он ничего мне не стал объяснять. Видимо, решил, что это невозможно объяснить человеку без слуха.

Сережа Никитин и Виктор Берковский вообще никогда не объявляли авторов стихов, на которые делали свои песни. Они не скрывали имена поэтов, просто это им было не интересно, не имело значения. Еще таких знаменитостей, как Пастернак, Шпаликов или Левитанский, они иногда упоминали в выступлениях, но, например, мои потуги в стихосложении и пародиях (в капустниках на турбазе), их только удивляли, но никак не оценивались сопоставимо с музыкой. Я очень любил песни Алика Городницкого, многие знал и пел (про себя) еще до личного знакомства с ним. Постепенно, когда у меня накопилось почти «полное собрание» его сочинений, подаренное им, я вдруг обнаруживал, что некоторые мои любимые песни им и написаны. На его 70-летие я послал ему стихи, почти каждая строфа в которых, намекает на какую-то его песню.

*Позволь поздравить мне тебя сердечно.
Но юбилеи только рвут сердца,
И старые друзья уходят в вечность,
А новым не поверить до конца.
Мы были чуть знакомы. Тем не менее,
Я песни твои с юности любил,
И в радостные дни, и дни сомнений
Я будто бы молитвы их твердил.
И мне ковров под ноги не стелили,
И я, как ты, бродячий человек,
Но что греха таить, удачи были,
А первая любовь прошла под «Снег».
И вопреки трагическим заветам,
Что в каждой бабе жизни только часть,
«В неволе чести женятся поэты»,
Не предрекая будущую страсть,
Стихи и песни, как воспоминанья,*

*О том, что жизнь так празднично прошла,
Что были непутевые свиданья
С лихой «Женой французского посла».*

*Мне кажется, я знаю по порядку,
Всю жизнь твою, не зная ничего,
Ведь бывшая «Собачья площадка»
Была в квартале лишь от дома моего.*

*Прозренье и накал шестидесятых...
И я прошел почти такой же путь,
Когда уже почти не стало страха,
Что «камни тундры лягут мне на грудь».*

*Не понимая нашего нахальства,
На всякий случай, ставя нас вперед,
Тупое и трусливое начальство
Тихонько презирало наш народ.*

*Теперь от них я вышел на свободу,
Люблю Израиль небыль я, и быть,
Шальную скорбь еврейского народа
И «девочку по имени Рахиль».*

*Живу теперь в стране «под небом синим»,
Но ностальгия мне здесь не грозит,
Хоть все так «непохоже на Россию»,
Лишь ты тут «некрасиво знаменит».*

*Позволь поздравить мне тебя сердечно.
Хоть юбилеи только рвут сердца,
И старые друзья уходят в вечность,
А новым не поверить до конца.*

Теперь я, наконец, понял, что все мои стихи, по существу, песни. На различных жизненных этапах мои друзья - скромные самодеятельные музыканты – пели мои стихи. Одно стихотворение («Моя Россия») мои знакомые в Израиле даже слышали в исполнении певцов, как «на стихи неизвестного автора». И осталась мечта, когда-нибудь «сделать» по-настоящему свои песни. Именно поэтому я корыстно мечтал, чтобы мой внук научился играть на гитаре и петь песни. Ведь у тебя есть слух. Да это ведь так заманчиво в жизни: гармонист в деревне, гитарист в любой компании всегда в центре внимания, и девушки, по закону музыкальной индукции, «ложатся штабелями под барда». Известно много случаев, когда «гитарист» выживает в тюрьме, преуспевает в карьере, да мало ли какие блага и симпатии достаются музыканту.

А у меня вот – нет слуха. И уже не будет.